

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 930

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.243-250

ИСТОРИЯ НАУКИ ГАРМОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

[Рец. на кн.: Смагина Г.И. ««Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века». – СПб.: Росток, 2020. – 672 с.]

В.П. Корзун

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

В рецензии представлена структура и основные положения книги Г.И. Смагиной, посвященной институциональному и содержательному оформлению историко-научной дисциплины в первые десятилетия XX в. Жанр рецензируемого труда определен как документальная монография. Особо подчеркнут институциональный и антропологический ракурс исследования. В качестве новаторской проблематики обозначены сюжеты, связанные с практиками популяризации науки в рамках академических структур. На основании текста Г.И. Смагиной выделены два уровня популяризации (внутри корпорации) и вовне (в пространстве массовой культуры). Высказана гипотеза о смене концептуальных установок в процессе складывания историко-научной дисциплины в первой трети XX в. с гуманитарной интерпретации истории науки на социально ориентированную концепцию. Позже этот процесс получил и институциональное оформление.

Ключевые слова: история науки, Комиссия по изданию сборника «Русская наука», Комиссия по истории знаний, Институт науки и техники АН СССР, институализация, популяризация науки

История науки, как и любая другая дисциплина, имеет собственную траекторию развития, переживая всплески, «созидательные творческие подъемы», по В.И. Вернадскому, падения и даже «дыры», сопряженные как с различными ритмами становления и функционирования отдельных наук и с их ментальностью (любая развитая наука имеет свою историю и своих героев, свой язык), так и с общей картиной мира, с меняющимися образами науки и, не в последнюю очередь, с политикой государства в области науки. При этом современные исследователи фиксируют набирающий силу процесс историзации и антропологизации истории науки. Важным представляется выделение синтезирующего уровня истории/историографии науки как «собственно рефлексивного пространства, в котором все ветви, формы, типы рефлексивного знания переплетены (взаимосвязаны

и взаимообусловлены) на когнитивном уровне и одновременно имеют собственное институциональное “выражение”, демаркационно оформленное и ментально разъединенное» [1, с. 100].

Этот науковедческий тренд отражен в названии рецензируемой книги – «Познать науку исторически...» (Позн.науку). Перед нами солидный и с точки зрения объема (672 с.), и с точки зрения содержания труд, автором которого является известный историк науки, доктор исторических наук Галина Ивановна Смагина, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Несбиваемый фокус ее исследований – становление российской истории науки в идейном, методологическом, институциональном и антропологическом планах. Отошлю читателя к ряду знаковых трудов автора, в том числе публикаций источников с их подробными комментариями (Суд.пр.; Роль Вернад.; 100-лет.; Позн.науку).

Эта отсылка не просто дань академической традиции и подтверждение давнего интереса Г.И. Смагиной к историко-научной проблематике. Она свидетельствует также об очевидном влиянии юбилеев на рост интереса к истории науки, юбилеев не только отдельных ученых, но и институций как центров концентрации специалистов и продуцирования историко-научной мысли. Иначе говоря, речь идет о формах сохранения и трансляции академической памяти, что, кстати, является одной из базовых функций дисциплины.

Перечень работ автора и их архитектоника позволяют говорить и об особом жанре этих историко-научных исследований и одновременно об особом почерке самого исследователя. Речь идет о жанре историко-документальной монографии. Для него характерно включение в построение нарратива большого массива документов с обширными комментариями. Само по себе наличие приложений к основному тексту является распространенной профессиональной практикой, особо укоренившейся в позитивистской парадигме. Но в данном случае приложения в виде публикации документов с подробнейшими комментариями, во-первых, значительны по объему и занимают 280 с., что составляет более трети от общего объема рецензируемого труда. Они, безусловно, самозначимы и в то же время вплетены в повествовательный авторский нарратив в виде отдельных цитат и обобщений. Во-вторых, приложения в привычном варианте, как систематизация данных по истории науки, к примеру в виде аннотированного списка ученых и специалистов, активных участников и творцов историко-научного процесса, и акторов формирования дисциплины (Позн.науку, с. 214–309), или в виде содержания серии Трудов Комиссии по истории знаний (Позн.науку, с. 354–362), размещены в основном тексте. Такое построение монологично, что характерно для авторской монографии как жанра, и одновременно диалогично – создается пространство для голоса размышляющего читателя/исследователя. Это своего рода партитура, прочитывающий ее не только ощущает авторский текст и «шум времени» (замечательная метафора О. Мандельштама), но и соединяет эти части нарратива в единое произведение.

Итак, перед нами плотный, насыщенный текст, где представлен процесс институализации истории науки «продолжительностью немногим более 15 лет с начала работы в декабре 1916 г. Комиссии по изданию сборника “Русская наука” и до создания в феврале 1932 г. Института науки и техники АН СССР»

(Позн.науку, с. 9), который в текущем году отмечает свой 90-летний юбилей. Так что появление данного труда – случай «дорогой ложки к обеду»! Симптоматично и то, что книгу Г.И. Смагина посвящает Владимиру Михайловичу Орлу, известному историку науки, соавтору многих совместных работ, уже ушедшему из жизни, которому исполнилось бы в 2021 г. 90 лет. Юбилей...

Монография состоит из пяти глав. В первой главе речь идет о начале начал – о деятельности Комиссии по изданию сборника «Русская наука» в 1916–1920 гг., то есть в период социальных пертурбаций. Интеллектуальным магнитом этого проекта, как известно, был академик А.С. Лаппо-Данилевский. Несмотря на опубликованный ранее труд, посвященный «Русской науке» (Суд.пр.), включение этого материала вполне оправдано для создания общей картины становления историко-научной дисциплины, понимания этапов и зигзагов ее развития, тем более что автор вводит новые источники, существенно дополняющие наши представления о темпоральности историко-научных поисков в различных дисциплинах. Показательно в этом плане Приложение № 2, представляющее рукопись основателя советской научной школы гебраистики академика П.К. Коковцова «Семистическая филология» – неизвестный ранее очерк, подготовленный для сборника «Русская наука» (Позн.науку, с. 408–421).

Вторая глава посвящена истории создания Комиссии по истории знаний (далее КИЗ), концептуальному обоснованию ее появления и деятельности. Как известно, КИЗ была создана в мае 1921 г. (первоначально она называлась Комиссия по истории науки, философии и техники). Историзация науки мыслилась как способ ее самопознания, как способ определения горизонта ее развития и как возможность рациональной организации текущих научных программ в условиях тектонических исторических сдвигов и запросов в связи с модернизацией экономики (так называемый мобилизационный аспект). Афористично эта мысль выражена В.И. Вернадским: «Без изучения истории знаний мы не можем стоять на уровне современной науки» (Вернад.). Автор убедительно представила состав Комиссии, смену ее статуса и председателя в связи с изменением Устава Академии. 3 октября 1930 г. В.И. Вернадский отказался от руководства Комиссией, председателем КИЗ был избран Н.И. Бухарин. И с его именем связано учреждение Института науки и техники АН СССР. Коротко, но емко в монографии охарактеризованы основные формы деятельности КИЗ в виде нескольких коллективных историко-научных, по сути дела, междисциплинарных проектов, таких как Бэровская и Ломоносовская подкомиссии, ряд инициативных проектов по изданию переписки известных ученых и др.

Третья глава «Возбуждение интереса к истории науки... и объединение интересующихся ею научных работников» является, на мой взгляд, принципиально новаторской. Ее своеобразным продолжением можно считать пятую главу «“За великое дело просвещения”: историко-научные издания в первые десятилетия XX века». К характеристике новаций обратимся чуть позже.

Четвертая глава – это антропологическое измерение историко-научного процесса, и называется она «“Там был весь цвет интеллигенции”: участники историко-научных проектов». Как полагает Г.И. Смагина, «это одна из основных глав монографии, так как прежде всего хотелось показать масштабы вовлечения в историко-научные проекты ученых и исследователей в первые десятилетия XX века»

(Позн.науку, с. 18). В этой главе представлены краткие интеллектуальные биографии и руководителей двух комиссий (А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Вернадский, Н.И. Бухарин), и рядовых участников / творцов историко-научного процесса. В список включено более 370 человек, хотя автор полагает, что в историко-научных исследованиях «в той или иной мере принимало участие, по-видимому, более 400 человек» (Позн.науку, с. 18).

За этими цифрами прочитываются сложные процессы становления историко-научной дисциплины и даже ее особенности. Отмечу две из них. Во-первых, широкое вовлечение в новое исследовательское поле специалистов из разных областей научного знания позволяет увидеть пласт так называемых «стихийных историков науки» (см. об этом [2]): они в первую очередь являются основными акторами, творящими дисциплину, что не столь ярко выражено в складывании других научных дисциплин и подчеркивает специфику именно ее генезиса, изначально связанного с междисциплинарностью. Это перекликается с мыслью Пьера Нора: «В эпоху потрясений устоев знаний каждая дисциплина стремится проверить свои основания с помощью их ретроспективного просмотра» [3, с. 33].

В связи с этим естественно возникает вопрос о критериях профессионализма историка науки, – как из «стихийного историографа» рождается профессионал? Исследования в данном направлении только намечаются; сошлюсь на удачный опыт С.С. Илизарова [4].

Во-вторых, динамика расширения круга участников историко-научных проектов отражает начавшуюся в середине 20-х годов XX в. переориентацию с гуманитарной интерпретации истории науки на социально ориентированную концепцию. Подтверждением этой тенденции является расширение по сравнению с первоначальным замыслом состава участников планируемого сборника «Русская наука», что было отражено автором в ранних публикациях и более развернуто представлено в рецензируемой монографии. Количество авторов возросло с 59 до 107 (Позн.науку, с. 384–387).

Речь идет не просто об изменении в составе коллектива, а о его значительном расширении в связи с включением в сборник научно-прикладных дисциплин и истории медицинских наук. Были составлены планы новых томов «Прикладное естествознание» и «Медицинские науки». Изменено и название сборника – «История науки в России». Гуманитарная направленность сборника как бы отодвигается на задний план. Как нам приходилось отмечать ранее, это «перереформатирование сборника, а по существу – концепции, отражало сложный процесс презентистского поворота в науке в период между двумя мировыми войнами. Мобилизация науки для нужд государственного строительства и восстановления экономики и престижа становится одним из приоритетных направлений госполитики как в России, так и в других европейских странах, к примеру, в Германии стало характерным представление о науке как “заменителе силы”. И члены научного сообщества, реализуя различные стратегии интеллектуальной адаптации к новым условиям, включаются в этот процесс. В условиях экстренной модернизации экономики, быстрого и коренного преобразования социальной структуры, подготовки новой элиты во всех сферах жизни, внедрения коллективистских форм поведения, внедрения марксистской методологии, естественно, меняется дискурс научного сообщества и власти» [5, с. 127–128].

В этот период прикладные науки, их близость к проблемам производства приобретают большую значимость. Так что изменение структуры планируемого сборника было вполне логичным (не случайно такая направленность была поддержана и одним из отцов-основателей историко-научных исследований в России академиком В.И. Вернадским), хотя в то же время утрачивалась гуманитарная заданность первой команды во главе с А.С. Лаппо-Данилевским. По всей вероятности, это был симптом внутреннего антагонизма в дисциплинарном становлении науковедения, и не только отечественного. На повестку дня были поставлены на тот момент не проблемы социокультурных оснований науки, а ее социально-экономические детерминанты. Организация на базе КИЗ Института истории естествознания и техники закрепила такое расщепление формирующегося дисциплинарного поля науковедения. Указанная тенденция находит подтверждение и в приведенном Г.И. Смагиной Приложении № 5 «Из материалов по истории II Международного конгресса по истории науки и техники в Лондоне (1931 г.)» (Позн.науку, 579–630). Допускаю, что высказанные здесь суждения носят дискуссионный характер. Во всяком случае, подсчеты автора монографии относительно доли представителей научных направлений в общей численности (371) участников историко-научных проектов вплоть до начала 30-х годов XX в. не столь однозначно свидетельствуют о приоритете представителей точных и естественных наук. На долю гуманитариев приходилось 44.5%, на долю естественных, физико-математических и технических наук – 65.5% (Позн.науку, с. 211). Понятно, что эта проблема требует дальнейшего изучения.

Наконец, антропологический подход был бы не вполне состоявшимся, если бы читатель не мог представить визуальный образ героев повествования. На страницах книги размещены портреты участников уникальных проектов, а многие документы передают и детали меняющегося научного быта ученых.

Вернемся к третьей главе, обозначенной выше как принципиально новаторская. Дело в том, что до последнего времени проблема популяризации науки и знания в широком смысле этого слова находилась на периферии исследовательского интереса. Конструирование предметного поля публичной истории актуализировало интерес к прошлым популяризаторским практикам; пока лишь отдельные популяризаторские кейсы получили свое освещение. В стороне до сих пор оказывается фундаментальная проблема – популяризация как имманентно присутствующая черта науки, рассматриваемой в качестве подвижной социокультурной системы. В монографии впервые вводятся в научный оборот и интерпретируются материалы докладов для публичных выступлений в рамках КИЗ. Они представляют интерес при прояснении особенностей формирования историко-научного сообщества (популяризация истории науки как канала самопознания, популяризация внутри цеха ученых). Но есть и другое направление популяризации – вовне, за пределы академического сообщества, в пространство массовой культуры. На рубеже XIX – XX вв. в связи с научной революцией и переходом к массовой науке наблюдается мощный популяризаторский всплеск. В рамках советской цивилизации этот всплеск был усилен такими факторами, как концептуальная установка на замену религиозных верований абсолютной верой в науку и складывание концепта «народной науки». Подобная культурная практика весьма противоречива и имеет неоднозначные последствия: с одной стороны, безусловно, происходило

повышение статуса науки в обществе, с другой – неизбежное упрощение, приспособление ее к «профанному» сознанию, что в условиях «тотальной популяризации» приводило к серьезным изменениям в критериях истины и верификации полученных знаний. В этом смысле материалы третьей и пятой глав вместе с Приложениями являются чрезвычайно значимыми для разработки проблемы места академических структур в осмыслении и организации пропаганды научной мысли.

Любая рецензия ориентирована на объективное представление читателю основных положений оппонированного труда при сохранении баланса его достоинств и недостатков. В данном случае достоинств значительно больше. Исполненная в духе петербургского сциентизма монография отличается четкостью структуры, обширной источниковой базой, ясностью и лаконичностью стиля, она ориентирует читателя на дальнейшие размышления о логике и реальной практике, а также судьбе историко-научной дисциплины в России в первой трети XX в. Единственное замечание – воссозданное полотно историко-научного поиска и институционального оформления дисциплины не убеждает, что этот процесс был непрерывным, как утверждает автор. Более убедительной представляется метафора *волны* (или, если угодно, *оптика*), которую применил ответственный редактор данной монографии Ю.М. Батулин, выделив в предисловии различные ее (волны) фазы.

Полагаю, что насыщенность монографии источниками и комментариями, выполненными с невероятной тщательностью, превратят ее в настольную книгу не только историков науки и техники, но и всех историографов. Мера, порядок, сдержанность делают монографию, на мой взгляд, классикой подобного жанра.

Источники

- Позн.науку – Смагина Г.И. «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века. – СПб.: Росток, 2020. – 672 с.
- Роль Вернад. – Смагина Г.И. Роль В.И. Вернадского в организации и становлении Комиссии по истории знаний 1921–1932 гг. // В.И. Вернадский и Комиссия по истории знаний (К 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского): Сб. ст. и док. / Отв. ред. чл.-корр. РАН Ю.М. Батулин. – М.; СПб.: Росток, 2013. – С. 13–84.
- 100-лет. – Смагина Г.И. «Достойным образом представить русскую науку». К 100-летию создания Комиссии по изданию сборника «Русская наука» // Социология науки и технологий. – 2016. – Т. 7, № 1. – С. 9–22.
- Суд.пр. – Судьба проекта «Русская наука», 1916–1920: (к 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы / Ред.-сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина; отв. ред. Ю.М. Батулин. – М.; СПб.: Перо, 2016. – 848 с.
- Вернад. – Вернадский В.И. Записка непременно секретарю АН СССР о задачах, характере работ и перспективах развития КИЗ // Смагина Г.И. «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века. – СПб.: Росток, 2020. – Приложение № 3. Док. 27. – С. 460.

Литература

1. Попова Т.Н. Историография, биоисториописание, бициллиеведение: теория, методология, практика. – Одесса: Бондаренко М.А., 2022. – 472 с.

2. *Юревич А.В.* Научно-исследовательская «башня», или еще раз о предмете и структуре науковедения // *Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки* / Под ред. А.Г. Аллахвердяна, Н.Н. Семенович, А.В. Юревича. – М.: Логос, 2005. – С. 26–42.
3. *Нора П.* Проблематика мест памяти // *Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М.* Франция-память – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
4. *Илизаров С.С.* Рождение профессии «Историк науки»: Россия. 1-я половина XX века // *Наука как общественное благо: Сб. науч. ст. / Науч. ред. и сост.: Л.В. Шиповалова, И.Т. Касавин: в 7 т. – М.: Рус. о-во ист. и филос. науки, 2020. – Т. 6. – С. 106–109.*
5. *Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Сборник «Русская наука»: к вопросу о причинах неудач великого замысла // *Мир историка и пространство истории: Сб. ст. к юбилею профессора Н.Н. Алеврас* / Под ред. Н.В. Гришиной, Т.А. Андреевой. – Челябинск: Энциклопедия, 2018. – С. 118–132.

Поступила в редакцию
12.02.2022

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

пр. Мира, д. 55 а, г. Омск, 644077, Россия

E-mail: korzunv@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 3, pp. 243–250

BOOK REVIEW

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.243-250

History of Science in a Harmonic Style

[Review: Smagina G.I. “Learning Science Historically...”: Russian History of Science in the Early Decades of the 20th Century. St. Petersburg, Rostok, 2020. 672 p. (In Russian)]

V.P. Korzun

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia

E-mail: korzunv@mail.ru

Received February 12, 2022

Abstract

This review discusses the structure and key points of G.I. Smagina’s book devoted to the institutional and content development of the Russian history of science as a discipline during the early decades of the 20th century. The major focus falls on the process of institutionalization of the history of science in Russia that took more than 15 years – starting from the establishment of the Commission for the Publication of the Collection of Articles “Russian Science” in December 1916 until the foundation of the Institute of Science and Technology of the USSR Academy of Sciences in February 1932. The monograph consists of five chapters and appendices, which make up almost a third of the entire work. The genre of the reviewed book is defined as a documentary monograph. The institutional and anthropological aspects of the study are emphasized. The researchers who were involved in the shaping of a new discipline are identified. The author believes that over 400 people participated, in one way or another, in the studies within the scope of the history of science. Brief intellectual biographies of both the leaders of the two commissions (A.S. Lappo-

Danilevsky, V.I. Vernadsky, N.I. Bukharin) and ordinary participants/creators of the historical and scientific process are presented. Plots related to the practices of popularization of science within the framework of academic structures are distinguished as innovative issues. Based on G.I. Smagina's reasoning, two levels of popularization are singled out: within the corporation and outside it (in the space of mass culture). A hypothesis about the change in the conceptual settings during the development of the history of science as a discipline in the first third of the 20th century – from a humanitarian interpretation of the history of science to a socially oriented concept – with the subsequent institutionalization of the process is introduced.

Keywords: history of science, Commission for the Publication of the Collection of Articles “Russian Science”, Commission for the History of Knowledge, Institute of Science and Technology of the USSR Academy of Sciences, institutionalization, popularization of science

References

1. Popova T.N. *Istoriografiya, bioistoriopisanie, bitsillivedenie: teoriya, metodologiya, praktika* [Historiography, Biohistorical Writing, Bitsilli Studies: Theory, Methodology, Practice]. Odessa, Bondarenko M.A., 2022. 472 p. (In Russian)
2. Yurevich A.V. The “tower” of science studies, or again on the subject and structure of science studies. In: Allakhverdyan A.G., Semenova N.N., Yurevich A.V. (Eds.) *Naukovedenie i novye tendentsii v razvitiu rossiiskoi nauki* [Science Studies and New Trends in the Development of Russian Science]. Moscow, Logos, 2005, pp. 26–42. (In Russian)
3. Nora P. The problematics of memory sites. In: Nora P., Ozouf M., de Puymège G., Winock M. *Frantsiya-pamyat'* [France-Memory]. St. Petersburg, Izd. S.-Peterb. Univ., 1999, pp. 17–50. (In Russian)
4. Ilizarov S.S. The birth of the profession of a “science historian”: Russia. First half of the 20th century. In: Shipovalova L.V., Kasavin I.T. *Nauka kak obshchestvennoe blago: Sb. nauch. st.* [Science as a Public Good: A Collection of Articles]. Vol. 6. Moscow, Russ. O-vo. Ist. Filos. Nauki, 2020, pp. 106–109. (In Russian)
5. Korzun V.P., Kolevatov D.M. The collection of articles “Russian Science”: On the reasons for the failure of the great conception. In: Grishina N.V., Andreeva T.A. (Eds.) *Mir istorika i prostranstvo istorii: Sb. st. k yubileyu professora N.N. Alevrvas* [The World of the Historian and the Space of History: A Collection of Article Marking the Birthday Anniversary of Professor N.N. Lalevrvas]. Chelyabinsk, Entsiklopediya, 2018, pp. 118–132. (In Russian)

Для цитирования: Корзун В.П. История науки гармоническим пером [Рец. на кн.: Смагина Г.И. «Познать науку исторически...»: российская история науки в первые десятилетия XX века». – СПб.: Росток, 2020] // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 3. – С. 243–250. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.243-250.

For citation: Korzun V.P. History of science in a harmonic style [Review: Smagina G.I. “Learning Science Historically...”: Russian History of Science in the Early Decades of the 20th Century. St. Petersburg, Rostok, 2020. (In Russian)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 3, pp. 243–250. doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.243-250. (In Russian)